

И снова Кипренский

Александр Кивовский

Три года назад на страницах журнала я уже писал о творчестве великого художника Ореста Кипренского, названного при жизни «русским Ван Дейком». Атрибуция каждого его произведения — настоящее событие. Недавно мне удалось завершить долгий поиск и вернуть имя ещё одному замечательному рисунку мастера, которому в этом году исполнилось 240 лет со дня рождения.

Творчество Кипренского всегда было предметом пристального внимания и ценителей, и широкой публики. Достигнув вершин живописи в России, Кипренский в 1816 году уже зрелым художником отправился за границу и покорил Рим, Париж, Женеву, Неаполь, Флоренцию. «Он первый вынес имя русское в известность в Европе», — записал в октябре 1836 года в связи со смертью мастера Александр Иванов, автор знаменитого «Явления Христа народу».

Кипренский активно участвовал в выставках, его портреты становились событиями художественной жизни. Собранные в 1994 году свидетельства и документы о Кипренском составили том объёмом более 700 страниц. В XX веке слава художника засияла с новой силой. Шесть персональных крупных выставок расширили представление о его творческом наследии. Сегодня произведениями Кипренского признаны 63 станковых портрета и около 600 графических работ.

«Любимец моды легкокрылой», по выражению А. С. Пушкина, высоко ценил свой труд. Знаменитый портрет 1827 года обошёлся поэту

в 1000 рублей. В том же году Василий Тропинин написал Пушкина за 350 рублей. В 1824 году граф Дмитрий Шереметев заплатил Кипренскому за ростовой портрет, хранящийся ныне в ГИМ, баснословную сумму — 13 тысяч рублей! Хотя сам «любимец моды» считал, что по парижским меркам картина стоила все 40 тысяч. Для сравнения: полковник в то время имел жалованье 1200 рублей в год. Так что заказывали у Кипренского станковые портреты лишь очень состоятельные и известные люди.

Благодаря такому кругу заказчиков, вниманию художников, интересу публики и кропотливой работе искусствоведов, практически все картины Кипренского атрибутированы. О последнем открытии я писал в «Дилетанте» в ноябре 2019 года: мне удалось определить, что на портрете в Донецком республиканском художественном музее изображён меценат Пётр Чебышёв. Остаются неизвестными или под знаком вопроса лишь пять персонажей картин, а также два предполагаемых ранних автопортрета художника.

▲ Генерал-лейтенант Павел Петрович Пущин. Петербург, март — апрель 1812 года. Рисунок Ореста Кипренского. Киевская картинная галерея (до 2017 года Киевский музей русского искусства) Ранее: портрет Е. Ф. Арбузова

Другое дело — его многочисленные рисунки. Среди них дружеские наброски и шаржи, обаятельные своей лёгкой, небрежной виртуозностью. Но большинство — заказные изображения, прекрасно проработанные во всех деталях. Хотя имена многих персонажей давно известны, некоторые до сих пор остаются загадкой. В своё время в Государственном Русском музее мне удалось определить портреты генерал-майора Павла Ланского и флигель-адъютанта Николая Верёвкина. И вот теперь ещё один военный из собрания Киевского музея русского искусства, с 2017 года — Киевской картинной галереи.

Ожидание грядущей войны будоражило общество

На листе с характерной авторской подписью — монограммой из букв ОК и датой 1812 — изображён генерал в парадном мундире. В тот славный год Кипренский до начала марта жил в Твери при дворе великой княгини Екатерины Павловны, после приехал в Петербург. Столицу он застал в разгаре военных приготовлений. Гвардейская пехота выступила к границе, за ней покидала город кавалерия, вслед за войсками собирался и Александр I. Через четверть века Пушкин напишет о том времени:

*Вы помните: текла за ратью рать,
Со старими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...*

Ожидание грядущей войны будоражило общество и, конечно, повлияло на Кипренского. Именно ему предстояло создать лучшие портреты героев, «покрытых славою чудесного похода и вечной памятью двенадцатого года». Образы боевых офицеров, вернувшихся в Петербург из-за ранения или ненадолго заехавших по службе, лучше всего выражают

достоинство, благородство, храбрость и патриотическую романтику поколения победителей Наполеона. Не к этой ли замечательной серии принадлежит киевский рисунок?

Но доблестной трактовке противоречат награды генерала. Знаменитый герой Яков Кульев говорил: «Матушка Россия тем хороша, что всё-таки в каком-нибудь углу её да дерутся». К 1812 году среди русских генералов тон задавали ветераны многочисленных войн с турками, поляками, шведами, французами, персами. Их украшали орденские звёзды, Георгиевские и Владимирские кресты, золотые знаки за покорение Очакова, Измаила, Варшавы, Базарджика, за битву при Прейсиш-Эйлау, иностранные награды. Но у генерала на рисунке ничего этого нет. Только крест команда Мальтийского ордена на шее и его белый тканый крестик на груди. Хотя при Павле I такой крест вручали участникам Итальянского и Швейцарского походов Суворова, большинство наград были выданы за мирные заслуги и просто по праву знатного рождения. Так что боевой статус персонажа рисунка прямо не подтверждается.

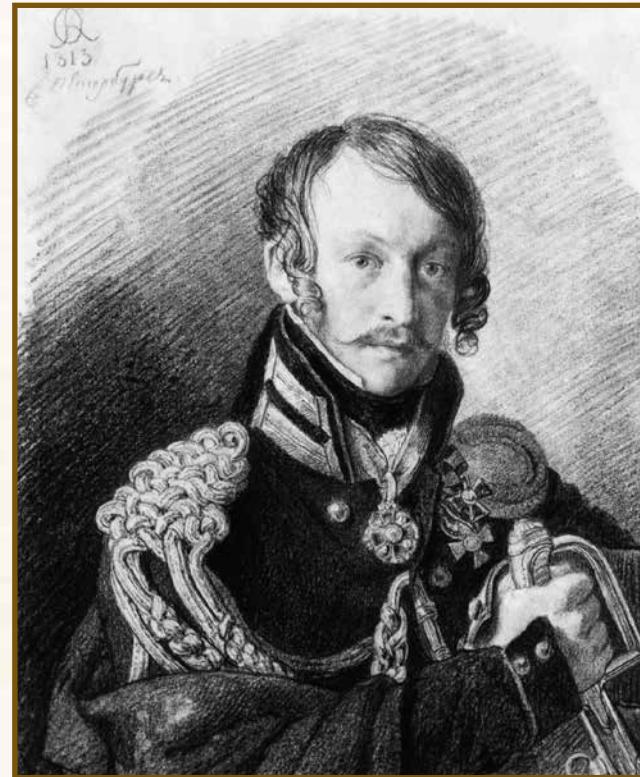
В то же время отсутствие боевых наград позволяет выявить имя неизвестного генерала среди полтысячи других. Сначала рисунку не повезло, им занялся Евгений Перкин, буйно взявшийся с конца 1990-х годов определять произведения Кипренского путём «пророчества о прошедшем» и «сердечного» погружения в эпоху. Антинаучное гадательство

▲ Председатель Комитета министров Сергей Кузмич Вязмитинов. Копия с портрета Ореста Кипренского 1814–1816 годов. Музей-заповедник «Усадьба Мураново»

закономерно привело к массе ложных атрибуций. Вот и генерала на рисунке, по мнению Перкина, «легко можно идентифицировать» как видного сановника Сергея Вязмитинова. Хотя на самом деле персонаж Кипренского не имеет ничего общего с 68-летним председателем Комитета министров — ни внешне, ни по возрасту, ни по наградам.

В начале 1990-х рисунок изучал Александр Горшман. Публикацию Перкина он подверг разгромной критике. По спискам 1812 года Горшман установил, что среди всех генералов лишь Евгений Фёдорович Арбузов имел командорский крест Мальтийского ордена. Во время Отечественной войны он служил в провиантском ведомстве в Петербурге, где мог

▲ Поручик Алексей Павлович Ланской.

1813 год
Рисунок Ореста Кипренского
Государственный Русский музей
Хорошо видна «Анна на шее», полученная
Ланским за славные бои под Красным в ноябре
1812 года

позировать Кипренскому. Казалось бы, всё складывается удачно. Но дальше Горшман, имевший страсть мистифицировать биографии своих героев, придумал Арбузову фантастическую судьбу. Вместо мирного служаки вдруг появился боевой офицер, сражавшийся со шведами, поляками, французами, дважды раненый и щедро осыпанный наградами. Хотя на самом деле Арбузов до конца жизни имел лишь Мальтийский крест. В finale за все мнимые подвиги Горшман с почётом «уволил» своего героя в отставку... через три года после смерти реального Арбузова, умершего 29 июля 1831 года.

Однако красавая версия дала сбой. При более внимательном изучении выяснилось, что на шее генерала под чёрной лентой Мальтийского креста виднеется ещё одна — светлая с тонкой каймой. Очевидно, что это лента ордена Святой Анны 2-й степени, крест которого не виден из-за расстёгнутого борта мундира. Как это

▲ Фрагмент портрета Пущина на с. 6: под чёрной лентой Мальтийского креста видна лента «Анны на шее».

выглядело на деле, можно увидеть на портрете офицера Алексея Ланского работы Кипренского.

Казалось бы, Горшман должен был пересмотреть свою версию. Но, видимо, она настолько понравилась автору, что он просто сочинил Арбузову новый подвиг. «Отправив» его в 1813 году вместе с Петербургским ополчением осаждать Данциг, а затем и Гамбург, мистификатор «наградил» провиантмейстера Анненским крестом с алмазами. Для пущей убедительности он изготавливал варианты портрета, на которых якобы потомки Арбузова подрисовали ему «Анну на шее». Такие подделки Горшман применял неоднократно. К сожалению, свой откровенный фейк ему удалось издать в 2002 году в солидном научном ежегоднике РАН «Памятники культуры. Новые открытия». С тех пор рисунок зажил под фальшивым именем.

▼ Майор 5-й дружины Петербургского ополчения Алексей Романович Томилов.
1813 год
Рисунок Ореста Кипренского
Государственный Русский музей

генералитету. Совместно удалось выяснить, что только «Анну на шее» и командорский Мальтийский крест имели в 1812 году два генерала, и они оба могли встречаться с Кипренским в Петербурге.

Герой Итальянского и Швейцарского походов Суворова, отставной генерал-майор Степан Тимофеевич Карпов в конце июля 1812 года возглавил 8-ю дружины Петербургского ополчения и 3 сентября повёл её на войну. Но в боях 66-летнему ветерану участвовать не довелось. В Вилькомире он заболел и 11 декабря 1812 года умер. Теоретически можно предположить, что в августе Карпов позировал Кипренскому. Однако сомнительно, что он сразу заказал

в Пушкинском Доме. Оборот каждой миниатюры закрывает старая металлическая пластина с именами персонажей. На одной Пущин изображен, как и на рисунке Кипренского, в парадном мундире с наградами. А на другой — во фраке вместе с женой Елизаветой Андреевной, урождённой Всеволожской, и сыном Николенькой. Правда, некоторых исследователей смущает повязка на шее ребёнка, напоминающая бусы, и высказываются сомнения — а точно ли это мальчик. Но дочери генерала, Александра и Софья, родились в 1800 и 1802 годах.

В 1799, 1801, 1803-м родились сыновья Пётр, Все-волод и Андрей. Все они были сверстниками, и если датировать миниатюру началом 1800-х годов,

то не понятна избирательность родителей, взявших с собой для семейного портрета лишь одного ребёнка.

Другое дело Николенька. Он был не просто младшим сыном, а поздним ребёнком 45-летней мамы, остальные дети были уже подростками. Если доверять старинной надписи на обороте миниатюры, то возможно следующее. Всю Отечественную войну и начало 1813 года Пущин занимался формированием резервов. 9 июня 1813 года он выступил с ними за границу к армии и находился в Польше до 1 августа 1814 года. Затем почти два года командовал 16-й пехотной дивизией, а 21 января 1818 года был назначен сенатором.

Пока не понятно, когда Пущин, наконец, встретился с женой и впервые увидел младшего сына. Но складывается впечатление, что именно этому радостному событию и посвящена семейная миниатюра. ▼

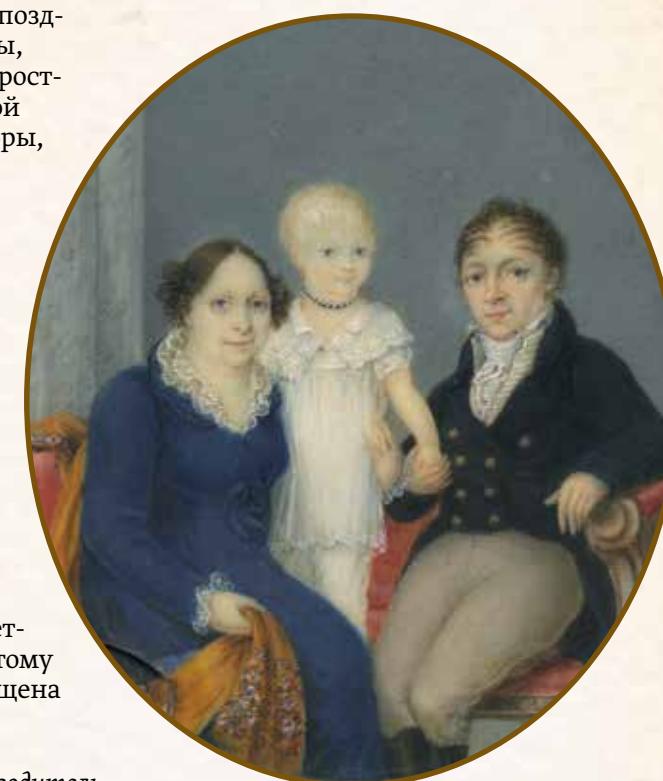
парадный генеральский мундир с дорогим золотым шитьём. По воспоминаниям ополченцев, одевались они скромно и почти всегда носили сюртуки. Именно так изобразил Кипренский своего друга, майора 5-й дружины Алексея Томилова, тяжело раненого в ногу при штурме Полоцка 6 октября 1812 года.

Другое дело — генерал-лейтенант Павел Петрович Пущин, четырнадцатый год находившийся в Петербурге для лечения. В столице с ним жила вся его семья, и весной 1812 года генерал уже в шестой раз ожидал прибавления. Но 15 марта его назначили корпусным командиром новой 3-й армии на Волыни. 7 апреля он откланялся царской семье в Зимнем дворце. Таким образом, в конце марта — начале апреля Пущин мог позировать Кипренскому в Петербурге. Тревожная обстановка и скорый отъезд были хорошим поводом заказать быстрому в работе художнику графический портрет в парадном мундире, чтобы оставить его на память жене и детям, в том числе сыну, родившемуся 10 мая 1812 года уже в отсутствие отца.

Версия о Пущине полностью подтвердилась при сравнении рисунка с двумя миниатюрными портретами генерала, хранящимися

▲ Генерал-лейтенант Павел Петрович Пущин.
Первая половина 1810-х годов
Миниатюра неизвестного художника
Пушкинский Дом

▲ Семья Пущиных. Середина 1810-х годов
Миниатюра неизвестного художника
Пушкинский Дом